

Сяо Чжочин вовсе не был против делить одно ложе с кем-то.

У него было много друзей, а в юности они часто путешествовали вместе, и заночевать вповалку в какой-нибудь деревенской хижине или уединенной соломенной обители было обычным делом.

Син Яо во сне болтал без умолку, Цзинцзэ порой скрипел зубами, и друзья то и дело посмеивались посреди ночи над чьей-нибудь дурацкой привычкой. Как-то раз Цзинцзэ даже сочинил стихотворение на мотив «Бабочки, любящие цветы» про бормотание Син Яо во сне, за что тот гонялся за ним несколько дней.

Только Сяо Чжочин всегда оставался тихим, и в поездках товарищи неизменно норовили улечься поближе к нему.

Сяо Чжочин любил тишину и порой просыпался от полуночной болтовни Син Яо.

Раскрыв глаза, он видел лунный свет, льющийся сквозь щеки соломенной крыши, а рядом продолжал бормотать во сне Син Яо, все еще пытаясь додумать строчку, начатую перед отходом ко сну:

– Яркая луна кружит, яркая луна висит... Чжочин, скажи, как лучше?

Разбуженный посреди ночи Сяо Чжочин невольно улыбался.

Однако, хотя его часто будили, сам он вел себя тише воды ниже травы и уж точно никогда не потревожил бы покой сидевшего рядом правителя.

Но Фэн Юаньси, похоже, верил в это с трудом.

– ...Ты велел мне лечь к тебе? – замер он перед топчаном, не сдвинувшись с места ни на шаг, и лишь посмотрел на Сяо Чжочин.

А как иначе?

Сяо Чжочин искренне кивнул.

Фэн Юаньси одной рукой сжимал край одеяла и все так же стоял неподвижно, явно всей душой желая остаться на том узком диване.

Но эта кушетка была донельзя короткой и тесной. Высокий, статный Фэн Юаньси совершенно не вязался с ее размерами.

И тогда Сяо Чжочин прямо сказал:

– Вашему Ветельству не о чем беспокоиться. Тинлан говаривал, что сон у меня спокойный, уж он-то точно не потревожит ваш отдых.

На этот раз Фэн Юаньси замер на мгновение и все же приблизился.

Сяо Чжочин тут же качнулся вперед, первым перебравшись в самую глубь постели, где было менее удобно, чтобы освободить для государя большую часть ложа.

Как бы то ни было... наблюдая со стороны за спиной правителя, усевшегося на краю кровати, Сяо Чжочин испытал весьма странное чувство.

В древности существовали легенды о правителях, что «спали на одном ложе и были близки словно братья», но он и помыслить не мог, что и ему доведется пережить подобный день.

Что напишут об этом исторические хроники спустя тысячелетия?

Сяо Чжочин прекрасно понимал: все зависит от поступков самих людей.

Стать ли им парой обреченных государя и сподвижника из угасающей династии, или же войти в историю именами, сотворившими великое дело... зависело лишь от исхода их противостояния с Ван Юанем.

Стрела уже была на тетиве, и Сяо Чжочин не желал слыть в устах потомков коварным

царедворцем, равно как и тянуть на дно юного владыку, сидевшего перед ним.

Глубокой ночью он с непоколебимым выражением в глазах посмотрел на Фэн Юаньси. В этот самый момент Фэн Юаньси обернулся и положил на постель свою подушку.

- Кто такой Тинлан? - спросил он.

...Мм?

Сяо Чжоцин не сразу сообразил, о чем речь, но через секунду ответил:

- Это мой добрый друг, Син Яо.

- Мм, - отозвался Фэн Юаньси и лег на ложе, повернувшись к нему спиной.

Хотя это была императорская постель, выглядел он куда более скованным, чем Сяо Чжоцин: весь подобрался, прижавшись боком к самому краю, а его прямая спина казалась натянутой струной - судя по всему, он отчаянно избегал любого случайного прикосновения.

Сяо Чжоцин проявил тактичность и, послушно отодвинувшись еще дальше вглубь постели, вытянулся на спине, оставив между собой и государем широкую, словно река Цюйхэ, преграду.

Фэн Юаньси вдруг снова подал голос:

- Вы так близки?

Это он про Син Яо?

Сяо Чжоцин никак не ожидал, что Фэн Юаньси проявит такой интерес к Син Яо, но всё же ответил:

- Мы с Тинланом знакомы с детских лет, мы преданы друг другу, как братья.

После краткого молчания голос Фэн Юаньси раздался вновь:

- Раз вы близки, то можете спать вместе?

Какое странное умозаключение. Сяо Чжочин невольно улыбнулся, позабавленный словами Фэн Юаньси.

– Разве сейчас этот подданный не возлежит на ложе Вашего Величества?

Фэн Юаньси замер, словно пораженный иглой мастера точечного массажа, и добрую половину вдоха пролежал неподвижно, не издавая ни звука.

Лунный свет падал на крепкие, прямые плечи юноши, и лишь спустя долгое время из-под балдахина донесся его тихий голос:

– А мы... мы ведь тоже близки?

В ответ послышалось лишь ровное, глубокое дыхание.

Фэн Юаньси помедлил, а затем едва слышно перевернулся на спину и скосил взгляд на Сяо Чжочина.

Ночь стояла глубокая. Истощенный хлопотами минувшего дня, Сяо Чжочин незаметно уснул прямо во время этого молчаливого диалога.

Распущенные темные пряди мягко касались его щеки; он слегка склонил голову, и его безмятежное во сне лицо было обращено к Фэн Юаньси.

Слишком далеко... он лежал почти вплотную к деревянному резному ограждению драконьего ложа, на расстоянии едва ли не в целый аршин от Фэн Юаньси.

И в то же время – так близко.

В эту самую ночь Сяо Чжочин спал на его кровати.

Фэн Юаньси помимо воли протянул руку и в лунном сиянии коснулся пальцами щеки Сяо Чжочина.

В самый миг, когда их разделяли считанные мгновения до прикосновения, его рука застыла в воздухе.

Он казался хрупкой нефритовой бабочкой, присевшей под пологом кровати: казалось, малейший порыв ветра или мимолетная тень спугнет его, и тогда он улетит навсегда, не оставив и следа.

Спустя мгновение Фэн Юаньси отдернул руку.

Он лишь легко провел пальцами по лицу мирно спящего Сяо Чжоцина, сдувая прядку волос, упавшую на щеку.

Лунный свет беспрепятственно заливал его черты.

В последующие дни во дворце и впрямь царило удивительное спокойствие.

Несколько суток подряд больше ни один из евнухов или слуг не умирал при загадочных обстоятельствах. Вэй Сян неустанно докладывал: заставленные под наблюдение Парчовой гвардии слуги не проявляли ни малейшей подозрительной активности, ничем не отличаясь от прочей дворцовой челяди.

– Не был ли замечен кто-нибудь из ваших людей во время слежки?

Вэй Сян вытянулся в струнку и отрапортовал:

– Ни в коем случае! У Парчовой гвардии людей вдосталь, но этот подчиненный не смел задействовать всех подряд – отобрал лишь самых надежных из числа личных доверенных лиц, тех, в чьей преданности нет ни капли сомнения.

Сяо Чжоцин нахмурился, погрузившись в раздумья.

За окном дворцовые служанки и евнухи из двора Изогнутой Террасы уже вовсю праздновали избавление.

Все сходились на том, что за эти ночи, прошедшие без единого происшествия, дворец обязан чуду, сотворенному господином Сяо: истинные владыки Саньцин слышали мольбы господина

Сяо и соизволили лично истребить злых духов.

Тут же нашелся любопытный:

- Отчего же небожители так послушны господину Сяо?

Другой евнух тут же замахал руками:

- Эх ты, глупый! А кто такой господин Сяо? Восемнадцатилетний сияющий танхуа - это же сам Вэньцзюй-син с небес на землю снизошел!

Окрестные слуги дружно закивали, рассыпаясь в похвалах.

Среди всеобщего восхищения послыблся слабый, исполненный сомнений голосок:

- Но погодите... тот злосчастный мстительный призрак, разве он не был чжуаньюанем?

После череды недавних смертей во дворец поползли слухи. Люди шептались, будто все дело в том, что погибший носил звание столичного чжуаньюаня, был отмечен звездой литературы, но наложил руки на себя при столь жутких обстоятельствах - оттого и гневался так люто, утаскивая за собой целые толпы невинных душ в качестве свиты.

Но теперь, когда дух был изгнан самим господином Сяо, кому было страшно вспоминать об этом?

Кто-то тут же презрительно фыркнул:

- Раз он подох, значит, и Вэньцзюй-син был липовым!

Другой охотно поддержал:

- Точно! Я слышал, будто в тот год экзаменационные работы господина Сяо проверяли несколько экзаменаторов сразу, а первое место отдали тому мертвецу лишь потому, что он водил знакомство с князем Лянем...

Тотчас же нашелся тот, кто горячо возразил:

- Вовсе нет, вовсе нет! В день дворцового экзамена двоюродный дядя моего двоюродного брата дежурил в тронном зале, так он рассказывал: изначально в чжуаньюани прочили как раз господина Сяо, но уж больно хорош собой он уродился - все сановники разом подали петицию, вот его и перевели в танхуа...

С этим доводом согласились абсолютно все. Оживленно толпясь, счастливые слуги принялись наперебой обсуждать внешность господина Сяо, попутно втаптывая в грязь покойного «фальшивого чжуаньюаня».

Во дворец наконец вернулась безопасность, и теперь никого не волновало, каким именно образом был изгнан призрак.

Слуги и горничные наперебой благодарили божеств, а во время воскурения благовоний Владыке Изначального небесного владыки Нефритовой чистоты тайне ставили рядышком крошечное изображение господина Сяо.

Князь Лянь тоже был доволен.

Теперь евнухам не нужно было дрожать от страха, и он мог без опаски содрать с окон охранные бумажные талисманы от нечисти.

– Стоило поручить это дело Сяо Цзину, глядишь, и беды бы миновали! Проведи они тот молебен на полмесяца раньше, сколько жизней удалось бы спасти?

И его собственные осведомители, внедренные во дворец, избежали бы гибели.

Впрочем, раз уж Фэн Юаньси годами вел себя подобным образом, пара лишних трупов погоды не делала – сущая мелочь.

Потому казалось, что, за исключением самого Сяо Чжоцина, весь белый свет уверовал в благополучное завершение этого дела.

Князь Лянь даже счел нужным переговорить с Сяо Чжоцином с глазу на глаз.

– Этот князь слышан, что все эти дни ты проводишь ночи во дворце, сопровождая государя, – князь Лянь одарил Сяо Чжоцина благосклонной улыбкой. – Как же это тяжело, Чжоцин. Если бы не твоя забота о Его Величестве, разве мог бы этот князь обрести покой?

– Для Сяо сего сие есть лишь долг службы, – отозвался Сяо Чжоцин. – К тому же, хотя

дворцовая нечисть и изгнана, подозрения в умышленном убийстве все еще не сняты, и покуда государь остается в стенах дворца, этот подданный не может чувствовать себя в безопасности...

- Э, да ты преувеличиваешь, Чжоцин, - князь Лянь отмахнулся, прерывая его.

Если бы во дворце бесчинствовали призраки, для него это еще представляло бы угрозу.

Но наемные убийцы...

Охрана в поместье князя Ляня была куда строже и надежнее императорской. Наемным головорезам и во дворец-то путь заказан, какое ему до них дело?

Князь Лянь небрежно бросил:

- Словом, теперь во дворце мир, о чем тебе тревожиться? Ишь чего удумал - неужто ты собрался прожить в покоях государя до конца своих дней?

Что за странная логика.

Сяо Чжоцин уже было открыл рот для возражения, как князь Лянь поднялся с места и, ведя себя словно заботливый старший родственник, подошел ближе, увлекая Сяо Чжоцина за собой на соседнее сиденье.

- Сегодня этот князь отослал всех прочих, ибо намерен обсудить с тобой дело куда более важное, - произнес князь Лянь. - Обладая столь выдающимся талантом, как ты, Чжоцин, разве гоже растрачивать его на расследование столь мелких происшествий?

Сяо Чжоцин замер:

- Более важное?

Князь Лянь кивнул.

В кабинете находились лишь они двое, а снаружи дежурил самый преданный дворовый слуга князя. Сяо Чжоцин незаметно скользнул по нему взглядом и услышал, как князь Лянь понизил голос до шепота:

- Надобно заняться Лян Куо.

Сердце Сяо Чжоцина пропустило удар, и он поднял глаза на собеседника.

Князь Лянь продолжил:

- Расследование дела Чэнь Юя дало прекрасные результаты. Но этот Лян Куо и Чэнь Юй годами промышляли темными делишками за спиной у всех, и не успел ты еще передать мне доказательства, как Лян Куо занервничал и сам пожаловал в поместье, дабы задобрить меня щедрыми дарами.

С этими словами князь Лянь холодно усмехнулся, поглаживая длинную бороду:

- Знаешь ли ты, сколько золота и серебра он притащил?

Судя по тону князя Ляня, Лян Куо в этот раз не поскупился, выложив на стол исчерпывающие доказательства своей преданности.

Только отчего же Лян Куо потерял рассудок?

Если бы он выполнял поручение князя Ляня в обычное время, набивая карманы вышестоящего покровителя и выражая усердие, князь Лянь наверняка ценил бы его за исполнительность. Но теперь, когда к нему и без того прикованы подозрения князя, вываливать горы золота - разве это не значило окончательно подтвердить худшие опасения государева дядюшки?

Чья же светлая голова подсказала ему такой ход?

Сяо Чжоцин не изменился в лице, хотя именно он - в тот самый момент, когда Лян Куо пытался отрубить себе хвост, подобно спасшейся ящерице, - нанес ему смертельный удар.

- Похоже, пожитки господина Ляня куда богаче, раз он смог раздобыть столь колоссальные средства.

- Вот именно! - князь Лянь хлопнул себя по бедру. - Этот паразит того и гляди до конца разворует казну Великой Шан!

Сидя перед главным паразитом Великой Шан, Сяо Чжочин с невозмутимым видом поддержал его:

– И впрямь чересчур зарвался.

– А потому этому князю и требуется твоя помощь, Чжочин!

Увидав, сколь охотно Сяо Чжочин идет на контакт, князь Лянь с трогательным умилением схватил его за руку.

– Мне нужно, чтобы ты занялся Лян Куо. Втайне, без лишнего шума – выясни, сколько у него на самом деле припрятано серебра и сколько чиновников, за моей спиной, скупают у него человеческие жизни да плетут паутину тайных сговоров!

Сердце Сяо Чжочина заколотилось гулко и часто.

Он столько дней выстраивал этот фундамент и ждал именно сегодняшнего дня. Князь Лянь рассорился со своим верным пцом, а он вовремя подвернулся под руку как раз затем, чтобы обратить накопленное за это время доверие в реальную власть, зажатую в кулаке.

Только...

В ту секунду, когда он поднял взгляд на князя Ляня, в памяти вспыхнул образ Фэн Юаньси, смотревшего на него на тех же ночных дежурствах.

Все эти дни они спали на одном ложе. На широком пространстве драконьего топчана их руки и ноги не соприкасались, но порой, пробуждаясь в темноте, Сяо Чжочин неизменно ловил на себе тяжелый взгляд Фэн Юаньси.

Тот всегда держался сдержанно и тихо, но во взгляде его порой сквозила такая глубина, что Сяо Чжочин терялся в догадках, неизменно испытывая странное чувство: словно во всем подлунном мире он один оставался для этого юноши единственной соломинкой, за которую можно ухватиться.

Мог ли он сейчас оставить государя, когда положение при дворе оставалось столь туманным?

Помолчав мгновение, Сяо Чжочин склонил голову перед князем Лянем.

- Этот подданный исполнит приказ, - произнес он.

Расправа над Лян Куо означала лишение Ван Юаня правой руки; дело было первостепенной важности, отступить от него он не смел.

Однако...

- Но этот подданный хотел бы порекомендовать Вашему Высочеству одного человека взамен себя для надзора за дворцовой стражей и обеспечения безопасности двора Изогнутой Террасы.

Князь Лянь не слишком жаловал кандидатуру Вэй Сяна, предложенную Сяо Чжоцином.

Во дворецкие дела он не вникал: снаружи имелось пять ведомств, шесть министерств и три военных лагеря, а изнутри - надзорные органы евнухов, Ведомство дознания и двадцать четыре столичных приказа. День ото дня он тонул в бумагах, воюя с толпой чиновников - разве мог он упомянуть какого-то командира стражи, что и порога-то его поместья в глаза не видел?

К счастью, он был незлопамятен - лишь благодаря этому Вэй Сян и досидел до сих пор в кресле главнокомандующего.

Однако раз уж Сяо Чжоцин так расхваливал этого человека за усердие и таланты, уверяя, что в текущем расследовании тот оказался необычайно полезен и споен в деле...

Впрочем, когда это при дворе не хватало услужливых и исполнительных подчиненных?

Если князь Лянь и кивнул, то исключительно ради лица Сяо Чжоцина.

Сам он внутренними делами дворца не интересовался, грезя лишь о том, как бы Сяо Чжоцин добыл для него побольше деньжонок.

Потому, выслушав пару уговоров, он с показной широтой души дал согласие, расценив эту должность лишь как мелкую милость, брошенную в награду Сяо Чжоцину.

- Чжочин, да я его лишь ради тебя приблизил! – изрек князь Лянь.

Сяо Чжочин с улыбкой принял приказ, и весть об этом не замедлила долететь до ушей Вэй Сяна.

По окончании занятий в тот день, собирая книги в короб, Сяо Чжочин увидел у входа в зал застывшую фигуру Вэй Сяна.

Он сделал вид, будто не заметил его.

Чтобы заставить князя Ляня использовать нужного человека, требовалось ублажить его сладкими речами и внушить слепую верность; в отношении же Вэй Сяна у Сяо Чжочина давно имелся собственный план – ему был нужен тот, кто в часы его отсутствия во дворце изо всех сил станет беречь покой Изогнутой Террасы.

И верно: стоило Сяо Чжочину подхватить коробок и направиться к выходу, как Вэй Сян стремительно шагнул навстречу и, сложив руки в приветственном жесте, низко поклонился:

- Этот подчиненный безмерно благодарен господину Сяо за рекомендацию!

Сяо Чжочин легко и непринужденно улыбнулся, вовсе не собираясь приписывать всю заслугу себе:

- Командир Вэй умен, проницателен и обладает выдающимися талантами – то, что князь обратил на вас свой взор, есть вещь вполне естественная. К чему благодарить меня?

Но Вэй Сян упрямо продолжал стоять в поклоне:

- Я столько лет прозябал в неизвестности и прекрасно понимаю, что сегодняшним возвышением обязан исключительно милости господина.

Поскольку вокруг никого не было, Сяо Чжочин передал коробок Фусюэ, шагнул вперед и обеими руками поддержал Вэй Сяна за локти.

- Я порекомендовал вас единственно потому, что верю в ваши способности. Ученость и ратный дар командира Вэя редки в подлунном мире; а то, что жемчужина доселе томилась в пыли –

лишь превратности небесной судьбы, испытывавшей вас на прочность. Ныне я не могу неотлучно находиться подле Его Величества, но верю: даже если в глубине дворца сыщется злоумышленник, возжаждавший посягнуть на жизнь государя, будь у него хоть три головы и шесть рук, ему не уйти от бдительного ока командира Вэя.

Поддерживая его под локти, Сяо Чжоцин говорил проникновенно и искренне:

– И все же... я виноват перед вами, и одно слово должен сказать напрямую.

– Говорите, господин! – Вэй Сян, окончательно убаюканный сладкими речами Сяо Чжоцина, в этот миг был готов на все.

Сяо Чжоцин тяжело вздохнул.

– Жизнь и смерть государя суть основа основ государственного строя, вам ли не знать. Ныне весь дворец уверовал в изгнание злых сил, но если кто-то дерзнет учинить смуту в императорских покоях в этот час и государь пострадает вновь, вам не сносить головы.

Он с нескрываемой искренностью заглянул в глаза Вэй Сяну:

– Командир Вэй, дело идет о вашей собственной жизни, и то, что я не обсудил все с вами заблаговременно – моя вина перед вами.

Фусюэ, стоявший у него за спиной, судорожно скривил губы, с трудом сдерживая смех.

Произносить угрозы с таким нежным и проникновенным видом... такое умел только его господин.

Это неподдельное, искреннее выражение лица в сочетании с неотразимой внешностью Сяо Чжоцина подкосили Вэй Сяна – его колени подогнулись, и он едва не рухнул перед ним на колени.

– Господин может не сомневаться! Моя жизнь ничего не стоит, но раз вы молвили это слово, этот подчиненный ценой собственной крови защитит безопасность Его Величества!

Именно этого от него и добивались.

Сяо Чжочин резко подхватил его под руки, крепко сжав его локти; в этот миг его лицо выражало столь глубокое волнение, что излишние слова были излишни.

– Будьте уверены, командир Вэй, ежели возникнут малейшие затруднения, я непременно приду вам на помощь, – произнес Сяо Чжочин. – Безопасность государя мы разделим на двоих.

Вэй Сян более не в силах был сдерживаться и торопливо смахнул набежавшую слезу:

– Господин не ведает... С тех пор как я получил перевод в столицу, лишь вы один сочли за благо воспользоваться моими услугами... Отныне жизнь этого Вэй Сяна всецело принадлежит вам!

...Его эмоции оказались даже сильнее, чем та актерская игра, что разыграл сам Сяо Чжочин.

Сяо Чжочин почувствовал легкий укол совести и, заметив, что Вэй Сян снова вознамерился пасть ниц, поспешил крепче сжать его руки:

– К чему такие слова, командир Вэй!

Но Вэй Сян упорно продолжал прижимать кулаки к груди:

– Отныне вся судьба Вэя в руках господина! Живым я буду верно служить вам, а умерев – стану верным духом-хранителем господина!

И в этот самый момент из-за его спины донесся крайне неуместный голос:

– И на кой черт тебе сдался его дух?

Сяо Чжочин обернулся и увидел Фэн Юаньси, стоявшего со скрещенными на груди руками и холодно, с нескрываемым подозрением разглядывавшего стоявшего перед ним Вэй Сяна.